

УДК 9(571.53)(-21)

Старая улица

Л. Я. Подольская

г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена истории одной из старейших улиц, ее строительству, занятиям жителей, быту. Подробно рассматривается пожар 1879 г. и его последствия. В статье использованы воспоминания автора.

Ключевые слова: Иркутск, Торговая улица, Большая Трапезниковская улица, улица Желябова, спрямление улиц, мелочной рынок, создание площади Труда, старожилы.

Значительную часть своей жизни я прожила на улице Желябова, с ней связаны первые детские воспоминания, неизгладимые впечатления от весьма самобытных соседей и от странного контраста ветхих деревянных домишек и яркого, вызывающе роскошного декора здания Дворца пионеров. Позже, получив историческое образование, заинтересовалась ее происхождением, развитием, людьми, проживавшими там задолго до нас, тем более что моим соседом в топографическом плане оказался Всеволод Иванович Вагин, герой моих научных исследований. Так и появилась эта работа – смесь научного изучения и личных воспоминаний.

Продвижение русских землепроходцев за Урал расширяло границы русского государства. Процесс освоения новых территорий с севера продвигался по рекам в Южную Сибирь. Шел процесс возникновения опорных пунктов, таможенных станов и острогов, из которых впоследствии выросли крупные города Восточной Сибири или центры менее значимые экономически, но чрезвычайно важные для закрепления российского влияния, исполнения натурального оброка-ясака, распространения цивилизационного воздействия.

Присоединение и хозяйственное освоение Восточной Сибири способствовало выделению наиболее дееспособных экономических и политических центров. Таким требованиям соответствовал Иркутский острог, который в исторически короткий срок прошел путь от зимовья до центра воеводства, растущего города, центра губернии и, наконец, столицы всей Восточной Сибири. В 1661 г. был заложен Иркутский острог. Место было выбрано потому, что он расположился на перекрестке колонизационных, торговых и промышленных путей. В остроге находились административные здания, проживали чиновники, аманаты, казаки, богатые купцы, ремеслен-

ники. Прибывавшее население застраивало посад. Он состоял из двух частей: «малого города», или кремля, и «большого города» – посада, который полукольцом охватывал крепость. Здесь располагались торговые, ремесленные заведения и жило посадское население [7, с. 10]. Одной из таких посадских улиц стала героиня нашего очерка. Первоначально она не имела названия, заселялась ремесленниками, мелкими торговцами. Однако она находилась совсем недалеко от Кремля, бывшего своеобразным административным центром, поэтому ремесленный люд стал оттесняться на окраины, а сюда стремились поселиться наиболее успешные люди. Дома были деревянными, чаще пятистенными, с подклетом и горницей. Во дворе располагались дворовые постройки: стайки для скота, кладовые или амбары для хранения зерна, сена и прочего, часто во дворе вырывался еще и колодец. Так как ходить за водой на Ангару было трудно, то появились в городе и водовозы, которые за плату доставляли воду к домам. Многие домовладельцы заводили приусадебные огороды и выращивали овощи для себя и на продажу. Многие иркутяне занимались хлебопашеством, для этого отводились специальные участки за городской чертой и в предместьях.

Иркутск, как и большинство возникавших в Сибири поселений, первоначально не имел плана застройки. Строевой лес был рядом, вот и строили свои скромные дома там, где хозяину понравилось. Поскольку город застраивался без плана, найти прямую улицу в городе было практически невозможно. Вопросы благоустройства города время от времени поднимались, но успехов было мало. Так, в 60-х гг. XVIII в. неоднократно принимались указы о выпрямлении и расширении улиц. Но в результате администрации с большим трудом удалось добиться выпрямления и расширения всего нескольких улиц, да и то на небольшом расстоянии – от 8 до 12 саженей (15–20 м). С 1770 г. городские власти потребовали устраивать на улицах деревянные тротуары. В 1800 г. был выпущен указ о необходимости возведения домов по утвержденным стандартам, был даже выпущен альбом образцовых домов, в котором предлагались образцы кирпичных зданий. Но иркутяне не торопились следовать этим предписаниям. И только с появлением гражданского губернатора Трескина, отличавшегося решительным, не терпевшим противоречия нравом, ситуация начала меняться [7, с. 15]. Так, хотя бы в центре города, появились прямые улицы и деревянные тротуары.

В Иркутске сложилась довольно самобытная, несколько эклектичная архитектура. Большое влияние на нее оказывали деревенские традиции европейской России, так как и жители, и строители в значительной части были выходцами из центральных районов и Поморья. Писцовая книга 1686 г. указывала, что среди переселенцев по 5 человек были из Москвы и Устюга, по 4 человека из Пенег и Соли-Вычегодской, по 3 прибыли из Переяславля. Постепенно деревенский стиль отступал на окраины, а центр начал застраиваться двухэтажными домами, которые украшались деревянной резьбой.

Город делился на 2 части: Ангарскую и Идинскую. Улица, о которой пойдет речь, входила в Идинскую часть. Она получила название Торговой и была расположена в 3–4 линиях-улицах от кремля. Возможно, свое название

она получила потому, что рядом развернулся мелочной рынок, а на самой улице строились маленькие магазинчики и пекарни. Поскольку улица была удобно расположена: и от администрации недалеко, и не совсем под боком, – здесь стремились поселиться не только известные ремесленники и торговцы, но и чиновники среднего уровня, представители зарождающейся интеллигенции.

Самым известным иркутянином, жившим здесь в начале 60-х гг. XIX в., был возвратившийся после отставки Всеволод Иванович Вагин. Он купил довольно большую усадьбу, в которой проживал с женой Любовью Анемподистовной и дочерью. В доме была одна из крупнейших личных библиотек того времени. В. И. Вагин был признанным знатоком книг, он выписывал большинство российских журналов, у него была большая картографическая коллекция и архив, где он хранил редкие рукописные документы, в том числе рукописи времен Ивана Грозного.

В 1875 г. видные общественные деятели выкупили дышащую на ладан частную газету «Сибирь» и успешно сумели превратить ее в самую читаемую газету не только в Иркутске, но и Центральной России, были и заграничные подписчики. В каждом номере газеты указывался адрес редакции, где можно было подписаться на газету и приобрести ее в розницу: Иркутск, ул. Большая Трапезниковская, 25, г-ну Вагину (в 70-е гг. Торговая улица была переименована). В эти годы Всеволод Иванович был редактором-издателем этой популярной газеты.

Большим испытанием для иркутян стал большой пожар 22–24 июня 1879 г. Огнем была уничтожена и Торговая улица. Иркутский летописец и историк Н. С. Романов так писал об этом бедствии: «Стоял жаркий ветренный день. Около 4 часов дня вспыхнул пожар в Глазковском предместье (Свердловский район), куда уехали две пожарные команды и обоз городской управы, а в 5 часов вспыхнул пожар на Баснинской улице (ул. Свердлова). Во дворе загорелись амбары, сеновалы и, благодаря скученности построек, огонь перебросился на смежную усадьбу Вагина, а от нее огонь, подгоняемый ветром, пошел на улицу Большую Трапезниковскую (Желябова) и на Граматинскую (Каландарашвили). Огонь шел сплошной стеной, остановить его не было никакой возможности» [5, с. 123–124]. Жители, спасаясь, спешили к реке Ушаковке и Знаменскому монастырю. В. И. Вагин потерял и дом, и библиотеку.

Генерал-губернатор П. А. Фредерикс, находившийся во время пожаров в Троицкосавске, потребовал «неослабного надзора» от иркутских властей и полиции за причастными к делу Г. Е. Капотова¹ и жесткого контроля за организацией помощи погорельцам. Власти немедленно приступили к исполнению первой части губернаторского распоряжения. В квартирах надворного советника В. И. Вагина, мещанина М. П. Шестунова и отставного чиновника Н. М. Садовникова полковник Сергиевский, майор Генгрос, ротмистр

---

¹ В это время велось следствие по делу иркутского народовольческого кружка, членов которого подозревали и в причастности к пожару.

Яненко произвели обыски. У В. И. Вагина были изъяты две тетради дневника, переписка. Изъятые материалы были опечатаны в специальном ящике. У обыскиваемых была взята подписка о невыезде. В новых листах дневника Вагин возмущенно описал подробности обыска, запечатлел он и слухи, которые будоражили иркутян в эти трагические дни: «В высшем кругу распушен слух, что мы то и есть поджигатели». Под поджигателями понимались и автор дневника, и М. В. Загоскин, и М. П. Шестунов и Н. М. Садовников – указывает автор. Продолжая записи, Вагин пишет: «Я будто бы заранее вывез с Загоскиным и нарочно переехал из Разводной в Гласково, чтобы любоваться пожарами. Хорош высший круг! Злословие и сплетни, мерзости разного рода – это его насущная пища» [4, с. 105]. И это не сводится к досаде обиженного властями человека, скорее, это была попытка вывести себя и сотоварищей из опасного положения. Майор Халтурин, который вел это дело, пытался убедить генерал-губернатора в том, что все подозреваемые являются членами некой возрождающейся в Сибири политической партии.

Но даже находясь под следствием и гласным надзором полиции, В. И. Вагин не прекратил общественной деятельности. Он вошел в состав очень трудоемкой и ответственной комиссии восстановления Иркутска и организации материальной помощи погорельцам. Комиссия занималась учетом последствий пожара, размещением погорельцев, оказанием им материальной помощи, проводился сбор одежды, посуды, а иногда и строительных материалов. Принимались благотворительные взносы, которые добровольно вносили иркутяне, не только богатые, но и люди среднего и малого достатка. Пожар воспринимался как всенародное горе. «В отчете генерал-губернатора Восточной Сибири пожар Иркутска называется «горестным и еще не бывалым в Сибири бедствием» [4, с. 105]. Всего в пожаре 1879 г. сгорело 105 каменных и 3438 деревянных построек. Город потерял музей, театр, здание Географического общества, погибли личные библиотеки, архив, мужская и женская гимназии, уездное и несколько приходских училищ. В сгоревшей части города по данным однодневной переписи, проживало 14 887 душ обоего пола [4, с. 105]. В. П. Щербакова указывает, что личных домов каменных осталось 34, деревянных – 2119 [7, с. 55].

Начинается восстановление города. Несмотря на требование администрации строить на центральных улицах каменные дома, сделать это сразу оказалось невозможно. Близилась зима, и необходимость в теплых жилищах резко возрастала. Началось сооружение землянок – или хозяева выезжали в соседние деревни и покупали готовые срубы или старые плохонькие дома, их разбирали, помечали и, как временное жилье, устанавливали на старых местах. Вот такие, вывезенные как временные, дома появились на этой улице. Некоторые из них были впоследствии снесены и на их месте построены здания женской гимназии, особняк Вторушина (ныне один из корпусов Педагогического института ИГУ и Дом детского и юношеского творчества). Но большинство тех времянок сохранилось, и до 70-х годов XX века они составляли значительную часть застроек.

Например, усадьба по ул. Желябова, 9. В усадьбе было 5 маленьких домов, в основном состоявших из сени, горницы и кухни. Эти дома первоначально сдавались как временное жилье. Скопив средства и заказав проект, хозяин усадьбы приступал к сооружению главного дома, который мог стать его личным домом или готовился для сдачи внаем. Если рассматривать структуру домов по правой стороне Большой Трапезниковской, ныне Желябова, от нынешней площади Труда собственники выстроили двухэтажные и одноэтажные дома с мезонинами. Квартиры были с высокими потолками, большими окнами. Хозяин предусматривал сдачу квартир внаем, предполагались общие кухни с русскими печами.

Дом, в котором прошли тридцать лет моей жизни, должен был быть двухэтажным, о чем свидетельствовал чердак. На первом этаже было находились три удобные квартиры. В советское время в доме проживало пять семей. Любопытна история квартиры из 2 комнат и общей кухни на 4 семьи. В мезонине жила большая семья Франских. Вдове генерала Франского, у которой было пятеро детей, в вспомоществование к пенсии выделили дополнительное помещение и право на продажу водки, т. е. здесь была монополия, и я хорошо помню теплую дверь, всю побитую углами ящиков с водкой. От нашей квартиры была отрезана хозяйственная часть, которая перешла квартире хозяйки водочного магазина.

Из личных воспоминаний мне кажется, что там проживало немало людей, заселившихся вскоре после пожара, т. е. настоящих старожилов. Так, в соседнем доме жила семья сапожника Сутогоня, который держал киоск ремонта обуви на рынке. Он пережил переезд, когда наши дома пошли под снос. На их месте выстроили школу искусств и комплекс жилых домов, которые были заселены партийными работниками, а нас в 1971 г. переселили в микрорайон Юбилейный. Сапожник ушел из жизни в 1974 г., и ему было 99 лет. К долгожителям относились еще три семьи в нашем доме. Главой первой был Николай Александрович Ахоладзе. Его семья соединилась с осиротевшей семьей Сқырладзе (сын и две дочери). Он женился на овдовевшей жене своего друга Марии Ильиничне. У них был общий сын – Георгий. Николай Александрович привез семью из Забайкальского рудника, где они с другом отбывали наказание за убийство. Возвращаться в Грузию он не захотел, стал сибиряком. В годы войны он был поваром в военном госпитале, который располагался в здании бывшей женской гимназии, ныне средняя школа № 72, за работу был награжден почетным знаком. После войны, уже очень старым человеком, он устроился дворником на площади Труда, а когда там построили фонтан, то купил рыбок и бдительно следил за их сохранностью. Потом он собрал нас, ребяташек, и под его руководством мы устраивали первую послевоенную цветочную клумбу, причем рассаду он купил сам и все лето следил за клумбами, и все время привлекал детей к уходу за ними. Порядок там был всегда. А запустение на площадь пришло, когда он по болезни и возрасту не смог работать. Причем он всегда спрашивал нас, как там, на площади, и мы, жалая его, говорили, что цветы не садят, потому что началась стройка. Там как раз возводили новое каменное здание

цирка. Еще запомнилось, как грузинская диаспора собиралась в доме Ахаладзе во время болезни И. В. Сталина, его кончины и похорон. Все жители нашего двора с глубоким уважением относились к скорби иркутских грузин. Как потом показала жизнь, отношение к вождю среди жителей нашего двора было разным, но уважение к суровому обряду их скорби и прощания было уважительным.

В соседнем домике жила экзотическая семья. Ее главой была Ксения Николаевна Скворцова – настоящая таборная цыганка. Она обладала редким голосом. И однажды в городок, рядом с которым расположился табор, начал гастролировать хор. Табор был на всех концертах, а однажды утром обнаружили, что Ксении нет дома, оказалось, что и артисты уехали неизвестно куда. Какое-то время Ксения пела в хоре, но то ли коллектив распался, то ли юная солистка не подошла. Какое-то время она бедствовала, но вдруг оказалась солисткой какого-то кабаре, которое гастролировало по приискам Забайкалья. И вот на ее выступлениях стал постоянно появляться местный мастеровой, вскоре он показал себя как виртуозный баянист, и они стали выступать вместе. У Федора Николаевича была семья, но он бросил ее и стал членом кабаре, а потом дуэт начал выступать самостоятельно. Как судьба забросила их в Иркутск, никто не знал, но произошло это в первые годы прошлого века. В нашей усадьбе они и осели. У них было двое детей, а потом трое внуков. Они никогда не были на государственной службе, но жили зажиточно. Федор Николаевич не умел ни читать, ни писать, зато у него были золотые руки. Он слыл прекрасным печником, славился и как побельщик, лудил, палял. Он научился ставить антенны, затем освоил превращение обычных самоваров в электрические, починял все имеющиеся электроприборы. Ксения Николаевна оказалась прекрасной портнихой, и все завмаги города были ее клиентами. Причем она никогда не оформляла документы, а проверяющие от нее уходили довольные. Иногда супруги выступали на свадьбах и юбилеях, а когда у них было хорошее настроение, то устраивали концерты, кстати, очень популярные среди соседей. Но это была очень шумная семья: у них часто бывали скандалы с драками, причем обязательно они выбегали во двор, а затем драка продолжалась по Желябова, переходила на Гусарова, затем по Халтурина и Каландарашвили они возвращались к себе домой, где все стихало. И уже через некоторое время о них можно было думать как о самых мирных жителях. Эти драки были любимым развлечением для ребятшек нашего и соседних домов. Мы сопровождали на расстоянии толпу, а потом горячо обсуждали подробности, правда, об этом я никогда не рассказывала дома. Семья держала в напряжении весь двор. Террор Ксении Николаевны прекратился, когда мы подросли, ее скандальные вылазки стали осторожными, мы сумели укротить этот бурный нрав.

Долгие годы в избушке-развалюшке тихо жил бывший ссыльный армянин Менас Иванович Сermельянц. Он появился в нашей усадьбе в конце XIX в., вскоре женился на русской вдове и они промышляли выпечкой пирожков, которые Менас Иванович продавал на соседнем мелочном рынке. Но вот в середине 30-х гг. прошлого века во дворе появилась смуглая ма-

ленькая женщина, которая громко на неизвестном языке что-то настоятельно требовала. Прибыла милиция, потом какие-то должностные лица, которые перевели, что эта женщина есть армянка, турецкая подданная и законная жена Менаса Ивановича. Оказалось, что он в Армении женился на семнадцатилетней Алтун Сергеевне, но вскоре в драке совершил убийство и был осужден в сибирскую каторгу, отбыв которую, тихо поселился в Иркутске. Сколько же сил потратила Алтун Сергеевна, чтобы воссоединиться с мужем. Первоначально они жили втроем, потом русская жена от них съехала, но еще долгие годы, до самой смерти, она посещала их и чем-то помогала. Менас Иванович устраивался сторожем, но работа эта была непостоянной, поэтому соседи помогали продуктами, одеждой и сочувствовали их семье. Интересно, что Алтун Сергеевна долгое время была лицом без гражданства и регулярно отмечалась в милиции. Причем она этим очень гордилась и считала своим главным достоинством, о чем заявляла во время дворовых перепалок. Но как только началась война, она, как иностранка и лицо без гражданства, была интернирована и находилась в трудовом лагере, из которого вернулась вскоре после победы. Вот тогда она решила принять советское подданство, а это оказалось очень трудным делом. Только уже в 60-х гг. мне удалось добиться положительного решения ее вопроса. Интересно, что любимым занятием новой подданной стали беседы с агитаторами и голосование: на участок, который был в управлении слюдяной фабрики, через дорогу от нашего двора, она приходила задолго до 6 часов. Она хотела опустить бюллетень первой, но комиссия не разрешала делать это раньше срока, и она боролась за свое избирательное право, как она его понимала.

Старейшей семьей в нашем дворе были Франские, в рабочем помещении которых мы жили. Семья была большая. Один из сыновей был профессором в Горном институте. Всю жизнь преподавала и дочь. Другой из сыновей был в годы большого террора арестован и расстрелян. В самом начале войны младший сын добровольцем ушел в армию и погиб в 1941 г. После смерти Надежды Павлиновны и отъезда ее дочери в квартире поселилась внучка с мужем и дочерьми. Лена и Толя Шастины стали известными людьми. Шастина была известным фольклористом, доктором наук, преподавала в пединституте. Ее муж одно время был корреспондентом «Пионерской правды», затем стал популярным писателем и даже возглавлял Иркутскую областную писательскую организацию.

В пристрой, видимо, после революции, была вселена вдова с дочерью. Ее муж, Запесочный, до революции был известным адвокатом, членом партии эсеров. Дочь, Галина Евгеньевна, закончила мединститут и всю жизнь проработала ассистентом, потом заведующей отделением клиники нервных болезней мединститута. Ее муж, Михаил Мальшев, был арестован и расстрелян в 1937 г., но в конце 50-х гг. реабилитирован. У Галины Евгеньевны была дочь – Мальшева Ганна Михайловна, кандидат химических наук, работала в ИПИ.

В 30-е гг. в конце нашей улицы проживала пожилая, строгая и мало заметная женщина, которая сразу стала знаменитой, когда по радио объявили

о спасении челюскинцев. Оказывается, в этом героическом спасении вместе со Слепневым и Галышевым принимал участие и летчик Доронин, сын этой скромной женщины. И какое-то время, еще подростком, он жил на нашей улице. Ему вскоре присвоили звание Героя Советского Союза. В его честь была названа улица, но в 60-е гг. она была переименована, и теперь мы знаем ее как Российскую.

Война тяжело сказалась на жизни жителей и нашего двора. Погибли Иван Черницкий и Константин Франский, с тяжелым туберкулезом вернулся Георгий Ахаладзе. Только в октябре 1947 г. вернулся в Иркутск Захар Михайлович Фидель. Он был рядовым, получил ранение в одном из первых боев и попал в плен – сначала в фашистский лагерь, потом оказался в Швеции, а затем – в американской зоне оккупации. Он прошел через уговоры о невозвращении в СССР, но твердо требовал возвращения. После этого еще два года провел в советском лагере и, наконец, вернулся домой. Только в 70-е гг. он был признан участником войны и получил медаль, которой за мужество был награжден перед пленением.

В начале 50-х гг. очень часто на скамеечках нашей улицы отдыхал, потом шел до площади Кирова и вновь, с остановками для отдыха, возвращался назад человек, за которым с интересом наблюдали подростки. Почему он так интересовал ребятшек? Этот пожилой человек был в генеральской форме и с золотой звездой Героя. Позже мы его видели на трибуне во время демонстраций. Это был Герой Советского Союза генерал-лейтенант артиллерии И. С. Бескин. Он родился в Витебске, был участником Первой мировой войны. В 1918 г. он добровольно вступил в Красную армию и всю жизнь посвятил воинской службе. Во время Великой Отечественной войны участвовал в Сталинградской битве. За блестящее артиллерийское обеспечение прорыва обороны на Одере в 1945 г. И. С. Бескину было присвоено звание Героя Советского Союза. В Иркутске он проживал с июня 1950 г., так как был назначен командующим артиллерией Восточно-Сибирского военного округа. До последних дней, уже находясь в отставке, он принимал активное участие в жизни нашего города. И. С. Бескин умер в январе 1964 г. и похоронен на Радищевском кладбище Иркутска [3].

В первые послевоенные годы на углу у бывшей пекарни по традиции располагался мелочной рынок. Официально на нем торговали мелочевкой. Чаще всего торговцами были раненые. Часто они передвигались при помощи прикрученных к палкам колесиков или просто гаек. Торговали они сахарными петушками, орехами, а один продавал иголки и сам вышивал и обучал желающих тамбурному шву. Мы часто толкались там, слушая его рассказы и мечтая, что с полочки мама купит петушка.

Старая улица меняется. Исчезают старые дома, почти не осталось старожил. Строятся новые типовые дома. Мало сохранилось гиганто-тополей, которыми так славилась наша улица. Теперь ее покрыли асфальтом, и по ней медленно движется в Маратовское предместье троллейбус № 3.

Список литературы

1. Барановский Е. О типологии жилых домов в Иркутске / Е. Барановский // Иркутск: события, люди, памятники / сост. А. Н. Гаращенко. – Иркутск : Отгиск, 2006. – С. 21.
2. Дулов А. В. Английский путешественник об Иркутском пожаре 1879 года // Учен. зап. / Иркут. обл. музей краевед. – 1971. – Вып. 4, ч. 1 : Вопросы истории Сибири. – С. 161–167.
3. Елизарова Л. Маршал Малиновский вручил ему именные часы / Л. Елизарова // Приангарье. – 2015. – № 53 (734).
4. Кудрявцев Ф. А. Иркутск : Очерк истории города / Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971.
5. Кудрявцев Ф. А. Иркутск / Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. – Иркутск: Огис, 1947.
6. Подольская Л. Я. В. И. Вагин – исследователь, публицист, библиофил / Л. Я. Подольская, Ф. М. Полищук. – Иркутск, 2006. – С. 44–45.
7. Щербакова В. П. По улицам родного города / В. П. Щербакова. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1961. – 93 с.

The Old Street

L. Ya. Podolskaya

Irkutsk

Abstract. The article concerns the history of the oldest streets. The author considers its building, its residents' occupations and living conditions. The author examines the fire of 1879 and its hazard. The article is based on the author's memoirs.

Keywords: Irkutsk, Torgovaya st., Bolshaya Trapeznikovskaya st., Zhelyabov st., alignment of streets, chandleries, the Labour square formation, old dwellers.

Подольская Лариса Яковлевна

кандидат исторических наук, доцент
664000, г. Иркутск, м-н Юбилейный, 27–
24

тел.: 8(3952)63-83-27

e-mail rus@hist.isu.ru

Podolskaya Larisa Yakovlevna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor

27–24, Yubileiniy district, Irkutsk, 664000

tel.: 8(3952)63-83-27

e-mail rus@hist.isu.ru